

ПРЕДПОЧИТАЯ ДЖУНГЛИ

(о книге Владимира Кантора «Шум времени, или Быль и небыль. Философическая проза и эссе». М.; СПб.: ЦГУ Принт, 2020)

В аннотации к книге прозы Владимира Кантора «Шум времени, или Быль и небыль. Философическая проза и эссе» сказано, что автор «обращается к давней своей теме — силе женщины, женщины-спасительницы, будь она девочка или взрослая...». И все здесь проникнуто ею. Бабушка, мать, жена — они все здесь, каждая со своим характером, со своей жизненной историей, человеческим багажом, внутренним сюжетом.

Но, однако, том открывается стихотворением Пушкина... нет, не «Мадонна», как можно было бы ожидать, — «Дар напрасный, дар случайный...»

Метафора «женщина — жизнь»?..

Понять так — соблазнительно, но уж больно очевидно сопоставление. Скорее хочется представить себе иное: есть быль, есть небыль, а образ женщины располагается между, словно качельный столбик, а по сторонам его качаются сиденья-корзинки, которым все равно, взлетать или опускаться, главное — чтобы ось оставалась неподвижной.

Но женщина ли?.. Только ли она одна? В предисловии писатель рассказывает, почему занят этим странным делом, складыванием и записыванием слов.

«Человек, любой человек, с момента своего рождения приговорен к смерти. Люди стараются не думать об этом, иначе не было бы сил на жизнь. Но писатель обречен помнить это и думать об этом. Он, едва ли не единственный из всех людей, сознает, что живет под этим дамокловым мечом природы. Он человек, он не святой, который пытается преодолеть страх смерти верой. И его задача, по мере его сил, насколько это возможно сохранить образ окружающего мира со всеми противоречиями и ужасами, добром и злодейством, хаосом женских и мужских судеб, калейдоскопом общественных отношений, меняющимся от эпохи к эпохе. Это тоже способ преодоления смерти. Если писатель сумел хоть немного продвинуться в этом направлении, значит, он состоялся как писатель».

То есть две оси, а не одна. Женщина, дающая жизнь всем. И литература, тоже жизнедающее начало — тем, кто выбирает для себя судьбу читателя.

Любой автор, да и вообще любой художник, конечно же, эгоцентрик, и это норма: из чего еще творить мир, как не из себя самого? Больше средств нет, их не существует. Но об этом почему-то не принято говорить. Хорошим тоном по-прежнему считаются некие скромные рассуждения о судьбах всего мира или, по крайней мере, некоторой ограниченной людской общности. Однако

где же тут скромность, разве человек видит *всю картину*, чтобы отваживаться на такую... *объективность*, на самом деле оборачивающуюся мировоззренческим произволом? Вместе с тем моральные оценки или акценты тут вообще ни при чем; сам для себя прозаик всего-навсего материал, не более и не менее. Владимир Кантор со своим читателем честен, как с самим собой: «Я писал только для себя, понимая, что если я точен в своих словах, дошел до некоего дна, то там, как говорил Лев Толстой, находится нечто, что присуще всем думающим людям. И они рады это общее найти».

Так и получается, что написанное о себе оказывается рассказом о нас и нашей стране, хотя посыл нарочито, подчеркнута интимен. Эту особенность уловил Константин Баршт, чей анализ повести «Нежить» был опубликован в журнале «Знамя» (2018, № 4): «Реальное, практическое соединение своей жизни с судьбой своей страны — это удается очень немногим, чаще всего на уровне мифа после ухода человека из нашего мира и, к сожалению, очень редко — при жизни. В этом заключена главная мысль автора. Герой Кантора говорит: "...проект "Россия", пока в ней не исчез дух, должен продолжаться"».

Проект «Россия» включает в себя, увы, и такие *направления*, как «Смерть пенсионера» — рассказ, нашумевший в момент публикации («Звезда», 2008, № 10) и вызвавший шквал откликов. В этой книге его нет, но есть множество других произведений, явно автобиографических и, кажется, столь же очевидно вымышленных, но все равно выглядящих документальным повествованием, в котором «художество» незаметно на первый взгляд. Но первый взгляд не обязательно глубок. Творческий метод Кантора-прозаика проявляется в умении «сцеплять мысли», расставлять акценты, неназойливо выявлять в индивидуальном не только типическое, но и общечеловеческое. В новелле «Не пускайте зло в свой дом», например, два отдельных фрагмента сцеплены так:

«Мы с ним не очень беседовали, он был человек военный, и мои гуманитарные интересы он уважал, но мои штудии были далеки от него. Сыновьям он ставил меня почему-то в пример. Но помочь я им не мог. Я был другой. А сам он, как я понимал, как мне говорил папа, был настоящий герой. Как все герои у нас с неустроенной бытовой жизнью. Как ни дико это прозвучит, эта жизнь и довела его до смерти. Впрочем, всех она туда доводит. Жизнь и вправду это путь к смерти.

Иногда этот пролог к смерти бывает очень небольшим. Хотя даже столетний пролог тоже не велик. Это чувствуешь, подходя к этому рубежу. А тогда, в мои тридцать лет, столетняя жизнь была для меня сродни вечности. Но почему-то, думал я, одни семьи быстро сгорают, другие длятся очень долго. Где причина разрушения?»

Вопрос в том, что такое жизнь, смерть и бессмертие и как они на самом деле взаимодействуют. Об этом догадываются верующие; но есть еще один способ по-

нять, что в обреченности скрыта надежда, — это искусство. Создать его, стать автором, или пропустить через себя, прочитав, пройдя вместе с героем коллизии и перипетии, и остаться собой, но уже «собой-плюс», ибо хорошая книга всегда работает на прибавление нашей личности.

Человек возрастает внутри себя и исключительно там. Никакой социум, никакие внешние воздействия не могут обеспечить роста; ты или даешь экзистенциальное добро самому себе, или закрываешь эту возможность. Собственно, об этом вся книга, да и любое произведение Кантора. Сам он, философ, исследователь русской мысли, говорит, что проза для него первична, а наука, при всей ее важности, на втором месте. Однако вряд ли такое возможно: человеческое сознание едино, и писательский метод — сцепление сюжетов и мыслей, постоянное сопоставление — одновременно и исследовательский. И корень здесь один: ты сам, твой внутренний потенциал, открытый, задействованный — или отставленный, оставленный на потом, на когда-нибудь, на волшебное русское «завтра», которое, как известно, не наступает никогда.

Писатель рождается из чтения, и недаром где Кантор, там обязательно Пушкин и Чаадаев: он тащит их с собой в любой проект, в любую статью и книгу. Не их одних, но их — обязательно. Чтение же — как, возможно, и писательство — это процесс *детский*; ни читатель, ни писатель никогда не вырастают в том смысле, что всегда открыты миру настолько, насколько позволяют границы личности, и никогда не утрачивают доверия к миру в том смысле, в котором, даже разочарованный во всем, ты продолжаешь вбрасывать вовне смыслы, сотканные твоим воображением. Важно лишь помнить, что чтение — синоним свободы и что буквы на бумаге дают столько же, сколько облака на небе или древесный шум. Не общество, куда нас так рьяно загоняют, от которого с ранних лет мы вынуждены уходить не в целях самосохранения — но от желания сохранить себя (от перестановки слагаемых смысл меняется кардинально). Не способность передвигаться по миру. Момент ухода — оставления себя присутствует в «Задумчивом тигренке. Сказке Тиллю»:

«Так и случилось. Тилль по-прежнему ходил в школу, где он много занимался гимнастикой, математикой и чтением. Но любил он читать то, что сам выбрал. Он признался деду, что самое счастливое для него время, когда он может бродить по библиотеке, доставать книгу, листать ее, ставить на место и брать другую. “Значит, у тебя много миров, куда ты можешь уходить”, — сказал дед. Но Тилль все же предпочитал джунгли».

Кажется, Владимир Кантор и сам предпочитает если не джунгли — все-таки это очень русская проза, иной ландшафт, — то лес: человеческих судеб, идей, чувств, побуждений, мотивов, необъяснимых порывов.

Вера Калмыкова